

18+ Владимир Травин

Плацкартные монологи

Анекдоты и миниатюры

Владимир Травин

**Плацкартные монологи.
Анекдоты и миниатюры**

«Издательские решения»

Травин В.

Плацкартные монологи. Анекдоты и миниатюры / В. Травин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508906-9

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Книга состоит из коротких анекдотов в виде миниатюр
и рассказов. Тематика касается жизни студентов, туристов, спелеологов,
яхтинга, парапланеризма и других направлений деятельности персонажа, в
основном, восьмидесятых и девяностых годов прошлого века. Книга содержит
нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-508906-9

© Травин В.
© Издательские решения

Содержание

Плакатные монологи	6
эпиграф	6
ТАМ	7
ЗАЙМ	8
РОМ – РУМ	9
КУЗЯ	10
СОКОЛ	11
КРОЛИК	12
АВТОПОРТРЕТ	13
БЕЗ НАЗВАНИЯ	14
КРАБ	15
ВОЖЕ	16
АЛЛО	17
ЗА ПИВОМ	18
ФУТБОЛ	19
ЧАЙКОВСКИЙ	20
ТУРИЗМ	21
УПРУГИЙ УДАР	22
КОЛЛЕГА	23
КИТАЙЦЫ	24
ВОЙНА И МИР	25
ГИДРОЛОГ	26
СССР	27
АДЕКВАТНОСТЬ	28
СПЕЦНАЗ	29
БЕЛЫЕ НОЧИ	30
«Вы слышали? Вчера ...»	31
ПРОБЕЛ	32
АРТУР И ЕГО ЖЕНА	36
ВОССТАНОВЛЕННАЯ ПЕСНЯ	37
КОНСЕРВЫ	38
ВТОРОЙ	39
ЗВЕЗДА	40
КАМЧАТКА	41
ЗАКОН СТАКАНОВ	42
БОРОДАТЫЙ ЧЕЧЕНЕЦ	43
ФРАНЦУЗСКАЯ СКАЗКА	44
ТОЛИК КОЛЕДОВ	45
ГИРЯ	46
СОЙКА	47
ЖРАЧИ	48
СЛОНИКИ	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Плацкартные монологи Анекдоты и миниатюры

Владимир Травин

© Владимир Травин, 2020

ISBN 978-5-0050-8906-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Плацкартные монологи анекдоты и миниатюры

эпиграф

Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.
А.С.Пушкин

Сочинения в трёх томах, том второй, «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН».

Страница 180, стих 6, строфа 12—14.

Издание МОСКВА «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1986 год.

Издание подготовлено совместно с Институтом мировой литературы им. А. М. Горького
АН СССР. Оформление Д. ШИМИЛИСА.

Редакторы И. ПАРИНА, С. ЧУЛКОВ

Художественный редактор В. СЕРЕБРЯКОВ

Технический редактор В. КУЛАГИНА

Корректоры Г. ВЕРХОГЛЯД, П. ПЕХТЕРЕВА

ТАМ

То ли всё это видение, то ли кто-то рассказывал, то ли ассоциации от митьковской литературы...

В общем, звонит один митек другому по телефону, сам упёршись головой в холодильник по причине неустойчивости, и спрашивает: «Ну, как ты там?.. Как ты ТАМ?»

ЗАЙМ

Вы даже не можете себе представить, сколько я пил... или пью. Пол-литра, ноль-семь в день, каждый день? Как долго?..

Я не буду отвечать.

В какой-то день работу я закончил довольно рано, но к этому времени был уже достаточно пьян. Мне позвонил приятель с просьбой о займе ста американских долларов в его пользу. Я в просьбе не отказал, но был вынужден ожидать приятеля минут сорок на входе в станцию метро «Чистые пруды». Остановившись в собственной суете под облицованным мрамором порталом, я удивился течению жизни. Оборванец-бомж копался в городской пепельнице, студенты поедали гамбургеры из перекатной палатки, кто-то раздавал бесплатные газеты, другой продавал глянецовую прессу, две девушки просто выпрашивали у прохожих субсидии, следующие предлагали услуги, последующие – только брэнчание на гитаре... Приехал мой приятель.

Мы взяли по бутылке пива, отошли от суеты на бульвар, и я спросил у него: «Скажи, брат, если я протрезвею, весь этот маразм исчезнет или нет?» Он ответил глубинно: «Я себе таких вопросов даже не задаю!»

РОМ – РУМ

А вас касалось крыло счастья? Как мы ехали в автобусе по святым местам Индии, свободные, чуть пьяные. А на заднем раскладном диване двое любящих – Жанка и Тимоха – переплетали свои тела. И кто скажет, где больше трансцендентного – в храме или на последнем сидении?..

А случилось всё не совсем запланировано. Жанка и Тимоха играли в любовь, сидели на коленках друг друга, обнимались, смеялись, пили ром. Как то пьяные и весёлые, шли по единственной улице Бира и искали, где бы выпить.

– Ай вонт сам рум, – долдонил прохожим Тимоха – Сам рум!

– Рум? – переспросила какая то старуха и повела таинственными переулками. Через минут десять парочка оказалась в крошечной комнате с огромной кроватью. Ну-у, пришлось воспользоваться... Теперь Жанка жалуется – Шесть раз в день! Уже я не могу!

Мы едем в автобусе по святым местам Индии.

КУЗЯ

Пряатель мой Кузя (производное от Кузнецов), тогда еще лет десяти, влетел в класс, развевая кудрями, и выпалил: «Там объявление! Всех желающих берут в школу Дзю-до!», Весь урок мы шептались, получая замечания, а как только прозвенел звонок на перемену, бросились в фойе первого этажа.

Рядом с медицинским кабинетом на стене действительно висел большой типографский плакат с приглашением записаться в спортивную школу. Жирным красным, тогда еще в большой редкости, фломастером поверх печатных букв было написано: «Кузьмов не принимают.»

СОКОЛ

В тёплый летний московский вечер два человека стояли на берегу пруда. Это маленький пруд, что находится рядом со станцией метро «Сокол». Глеб, одетый вполне подобающее, стоял со стороны метро, а Фигус, в татуировках и семейных трусах, находился на противоположном берегу, что ближе к студенческим общагам.

Первым, как ни странно, начал Глеб :

– Колбаса и волчий хуй! – бросил он в летящий тополиный пух,

– Свинина? – задумчиво спросил Фигус – Нет! Нам свинины нельзя!

Глеб повел мутным взором по абрису пруда, и, завершив круг, воскликнул уже уверенно:

– Колбаса и волчий хуй! – и сам добавил, – Свинина!

– Нет, нам свинину нельзя! – поспешно подхватил Фигус.

Прохожие испуганно озирались, люди как раз шли с работы...

– Колбаса! И волчий хуй! – продолжил Глеб,

– Свинина? – ехидно спросил Фигус, – Нет! – воскликнули они уже вместе, – Нам свинину нельзя!...

Меня интонации, мои пьяные друзья продолжали это занятие почти что час, пока их не увел насильно в общежитие начальник второго московского стройотряда 198го года.

Фигус давно убит, и труп его сожжен в подлеске на Щёлковском шоссе, а Глеба я никак не могу найти, чтобы спросить, почему «колбаса и волчий хуй» и почему им нельзя было есть свинину.

КРОЛИК

Получив образование инженера-механика по специальности «двигатели летательных аппаратов», Михаил половину жизни проработал строителем. Так новая страна диктовала свои законы, но она же потакала творческим порывам души. И вот, пройдя через Карате, Лайфс-принг, Тантру, Цыгун и прочее, Михаил, купив поддельный диплом медицинского училища, стал тайским массажистом. Мял он в основном баб и, следует сказать, вкладывал в это дело всю душу.

А между тем жизнь наворачивала свои спирали.

Для маленького сынишки жена приобрела лопоухого кролика. Животинка сидел в клетке, грызл морковку, радовал ребенка и особого ухода не требовал. Была только одна небольшая проблема – у кролика, при отсутствии реальных условий жизни, очень быстро вырастают зубы. Это недоразумение легко устранял ветеринар, спиливая ненужные резцы за символическую плату.

Однако, жизнь-злодейка закручивала гайки.

И Михаил решил все делать сам. Он доставал кролика из клетки, укладывал его на коленях животиком вверх, делал ему легкий массаж, и когда кролик расслаблялся, Миша пассатиджами обламывал ему зубы.

АВТОПОРТРЕТ

Складка на левой брови у переносицы не имеет никакого значения. Я просто упал с «тарзанки» мордую прямиком вниз в канаву, вырытую в лесу у нас за железной дорогой. Просто сломалась палка из сучка сосны, и я улетел. За пару часов до этого мы стырили у местных солдатиков пару ремней – один с офицерской пряжкой – и с кучей тряпья, нам, в общем то, не нужного. Это тряпье и помогло мне добраться до больницы. Там же, на левой щеке – шрам – Что так украшает меня, когда я улыбаюсь! Это след пытливости ума (простите за нескромность). Отец рассказал, что при морозе нельзя касаться обнаженными, тем более слизистыми частями тела к металлическим предметам. Я отстал, и когда папаша со старшим сынком уже поворачивал во двор, он увидел Вову (меня, то бишь) прилепленного языком к столбу железной ограды. Говорить я ничего не мог и стоял не двигаясь. Недалеко родного дома быстро решила проблему при помощи горячего чайника. Однако, в следующий раз, перемахивая через этот же забор, я наделся щекой на македонское копьё металлических конструкций и висел там до прибытия Скорой помощи. Я помню, что сбежали мы с моим дружкой Серёгой из детского сада, так же перемахнув забор, только не зацепившись, а сбежали, чтобы корову посмотреть. Потом пытались проколоть шину у «Москвича» перочинным ножиком, что я спёр у отца. Были отловлены местным ментом и переданы родителям как попавшая дичь, вывешенными на всеобщее обозрение на руках участкового. И губа. Играли в «Сичку», это как в «Три листика», ну, или в «Покер» местного значения. А Камена мухлевал. Играли мы всегда на деньги. И деньги, то есть монеты, всегда были изогнуты, выигранные в «расшиблет», где вышибают свинцовой битой, кто помнит. Ну, и дал я Камене прямиком в лицо! Дал так, что тапочки его мелькнули над скамейкой – быстро и бесшумно. Камена сделал просто. Будучи старше меня года на два, он не стал искать физических решений сам. Он пошёл в «Подъезд», где собиралась вся кодла, и рассказал, что Травин младший послал всех куда подальше. Меня встретили дня через три. Я, конечно, понимал, что лучше молчать, и только в последнюю минуту избиения, я расслабился после фразы: «Ну, ладно, свободен!». Тут я получил такой удар, что часть моей губы оторвалась и кровь полилась уже серьёзной рекой. Довольно быстро доскакали до травмпункта, обезболивающего там не оказалось, и зашивали так, как есть. Вот, собственно, и всё. Фотографию высылаю.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Действительно, трудно подобрать название к такому анекдоту.

Приятель мой, любитель, как и я, а точнее я как он, немецких машин с воздушно-охлаждаемыми двигателями, тех самых «Жуков» и «Транспортеров», истинно православный, и главный инженер одного крупного спортивного сооружения так провел свой день.

Мише позвонил узбекский работник, что строил дачу, и сообщил, что бетономешалка работает плохо. Миша поехал на выходные с утра пораньше. Не дай вам Бог подумать, что Миша является неким олигархом или рабовладельцем! Человек вполне приличный, работающий и соблюдающий законы православия, Миша нанял работника для его же блага и возможности строительства дачи во время его отсутствия. Но серьезные вопросы решал он сам.

Итак, Миша приехал на дачу и попытался отремонтировать бетономешалку. Результат был резко отрицательным, т. е. агрегат сломался полностью. Сдавая машину задом для разгрузки некоего дерьма, которое он привез сюда, Миша раздавил металлический ящик с инструментом, который он забыл убрать после попытки ремонта бетономешалки. Решили расслабиться и съездить искупаться на речку. Почему то, решили поехать на мотоцикле. Мотобайк не заводился, и Миша, посадив узбека на машину «даванул с толкача». Сработало! Узбек прямым ходом въехал в минибус и смял ему задницу. Ну-у, ладно, делов-то! Поехали купаться. На обратной дороге под колеса мотоцикла прыгнула сумасшедшая корова и приятели мои улетели в кювет. Все остались живы и целы, включая корову. По прибытию на двор родной Миша решил успокоиться покосом травы. Как только он включил бензокосилку, все мелкие детали разлетелись в разные стороны... Ну, все! Надо валить домой, решил Миша, и в этом была его основная ошибка! Возвращаясь в Москву, ночью, на трассе М10 у машины срезались крепёжные болты и двигатель упал на землю!

Я звонил ему часов в 10 утра и он попросил меня перезвонить попозже, поскольку сам уснул только в четыре. Вечером он рассказал мне эту историю. А как назвать ее – не знаю.

КРАБ

Судно было с невысокой рубкой, пузатое, с тем необъяснимым эффектом объёма большего внутри, нежели снаружи. Острый ум советского инженера дал название – «Краб». Капитаном был Михаил Петрович Горюнов, начальник отдела твердотопливных двигателей, соединивший в себе небо и море, и собственно, построивший корабль. По выходным он терзал свою душу (вот он, тельник-то!) двумя напитками: пивом и водкой. Вина Петрович не пил, а баб не жаловал.

В «Крабе» всегда хватало гостей, и давно уже повелось делать подарки капитану в виде плакатов официально напечатанных в типографии, но поданных с другого ракурса, если не сказать с извращением. Ну, например, известная картинка «Даешь!», где колхозницу заменили на полуобнаженную японку из заграничного календаря; или «С крепкой красной (*армией* – аккуратно вырезано) мы непобедимы!». В носовой спальной части судна проснувшиеся девицы читали на потолке: «Спасибо тебе, женщина!» и т. д.

Но верхом поэзии был большой плакат, напечатанный в Финляндии почему-то на русском языке:

«В этом доме строго запрещено употреблять спиртные напитки,
Кроме употребления с рыбными блюдами.
Рыбными блюдами считать всякое блюдо, кроме колбасы.
Если же, вопреки всем ожиданиям на стол подается колбаса,
То и её считать рыбным блюдом!»

ВОЖЕ

Что хорошего может быть на озере Воже? Да – ни чего! Только остров, за которым можно скрыться от дикого ветра, от волн полутораметровых, вырастающих на сплошном мелководье.

До берега не до грести, не достать. Байдарка упирается в дно, а вылезти нельзя – уйдешь в ил. Сколько там метров, никто не знает. И только под вечер нашли проход в камышах к земле. Замёрзли страшно, промокли – Север, брат.

В Вологодско- Ярославских губерниях строились, как крепость, всё внутри. Единый двор для скотины и для людей, под одной крышей. Я и сам справлял нужду с закрытого балкона в коровью жижу внизу – простите уж меня, ради Христа, за откровенность. А приехали мы к «страшному бывшему кулаку».

В смысле, они нас приютили в эту ночь.

На острове раньше была деревня. Все работали на этого деда и жили в достатке. У деда было 15 коров, пять лошадей и всю рыбу крестьяне отдавали ему – он продавал на большую землю. И всё так и было годов до 30х, когда сюда добралась Советская власть. Деда арестовали, ну и по этапу. Деревня вымерла... Ну, как обычно.

В доме, уже на берегу (остров нынче пустой), жили дед и бабка. Пробавлялся дед незаконной ловлей леща и продажей его уже в вяленом виде на станции ж. д. Скнятино. Сколько он «отмотал», дед не говорил. При дворе было сетей купленных и самотканых километра три, и две собаки. Сплошь по переходам стояли огромные таинственные сундуки, с чем – не известно. На таком я и спал позже. Отец выставил бутылку водки. Дед не противился, тоже ведь, коммерсант, и пил, смешивая горючую жидкость с заваренным чаем пополам- на пополам. Похлебку делали так: Немытую картофель загружали в чугунный котелок, туда же лещей не чищенных, а только потрошенных. Варили с остатками каких то овощей. Рыбы выкидывали собакам, а юшку хлебали сами, осторожно, дабы не возмутить комья грязи, лежащие на дне. Картофель шел на второе блюдо с ничем.

Под бесконечный северный дождь, утром мы отчалили, точнее, отошли от берега озера Воже. Когда глубина позволила всем запрыгнуть в байдарку, стена камышей полностью закрыла дом деда.

Погода резко поменялась. Только всплеск вёсел нарушал тишину.

АЛЛО

Длинные гудки, снимают трубку:

- Аллё!
- Здравствуйте! Можно попросить Сашу?
- Аллё!
- Сашу можно позвать к телефону?
- Аллё!
- Это квартира Назаровых?
- Бля-я-я...

Вторая попытка, снимают трубку:

- Аллё!
- Будьте добры, Сашу к телефону...
- Аллё!
- Сашу можно позвать?!
- Бля-я-я...

Еще несколько таких попыток. Вечером попадаю на Сашу:

- Слушай, а я вот, звонил днем и...
- Да это тесть, у него недавно insult был, он теперь только два слова произносит: «Аллё» и «Бля», а поговорить хочется.

ЗА ПИВОМ

– Ну что же, пойдём за пивом во Второй залив! – так выставил цель Николай Пронин. Конец сентября давал о себе знать, прогулки на яхтах закончились, ветер был баллов семь, и все мы были пьяны.

Да полно, – отвечивал я, – пансионат уже не работает, нет там пива!

...И Михаил Оленев в офицерской шинели Белой Гвардии поддакивал, качая головой.

Спьяну решили идти на двух суднах. Взяли уже снаряженный Солинг и мою 470ку...

Солинг, это килевая яхта с открытым кокпитом и хорошей парусностью, туда мы загрузили всех гостей, а 470ка, это спортивный швербот, принимающий на палубу не более двух пассажиров, да и то в крайних случаях. Мы не взяли никого, только я и Вова в качестве матроса – ну, ему досталось в этой поездке, но остальным...

При таком хорошем ветре идти до Второго залива всего минут семь. Вова в качестве матроса успел нахлебаться водички, только что на трапецию не вывешивался, да и я бы ему не позволил... Ну, а у Солинга дела были веселее! Шли мы короткими галсами, друг мой Вова летал неуклюже с борта на борт, а капитан Солинга потерял на ходу капитанскую фуражку. Фуражка качалась на пенистых волнах, и Коля Пронин закрутил поворот фордевинд, не предупредив пассажиров судна – огромный гик с пожелтевшим парусом перекинулся с одного борта на другой в доли секунды. Почему все остались живы, это вопрос к Посейдону, яхта сбросила скорость, точно подошла к капитанской фуражке, и невозмутимо пьяный Николай, подцепив её рукой, и не сливая воды, надел прибор на голову! Михаил Оленев стоял на носу, держась за бушприт, и рукою указывал путь...

Мы вошли во Второй залив, здесь с ветром было спокойнее. Две яхты красиво подошли к пирсу в глубине залива, поближе к пивному ларьку. Кроме нас, белок, и удивленных сторожей заснувшего пансионата вокруг никого не было. Коля Пронин в мокрой капитанской фуражке и Миша Оленев в своей невероятной шинели сошли на берег. Всем остальным приказано было ждать. Они зашли за прибрежный сарай, который сразу за пирсами, помочились на пироговскую землю, и мирно беседуя между собой (даже и не пытаясь поинтересоваться наличием пива – все равно нет!), вернулись к яхтам, уверяя, что пива нет. Мы согласились.

Лет через десять Коля Пронин тихо умрет от пьянства и мнимой гангрены правой ноги, а Миша Оленев – изобретатель серфинга в виде сигары – шагнет с двенадцатого этажа прямоком в Шамбалу.

Шам-балу-ла-ла-ла!

ФУТБОЛ

Как-то выпивали мы втроём в скверике имени Радищева, затем выпивали на тройном перекрестке с ныне Николаямской, а тогда Ульяновской, и соответственно – Серебрянической набережной, а затем перебрались во дворы Котельников. И стало нам так хорошо, что даже в футбол играть не хотелось! А между тем, прямо перед нами гонял мяч одинокий мальчишка. Мы подбросили ему как-то подкатившийся мяч и спросили: «Что же ты без друзей-то в футбол играешь?» А он ответил: «У меня нет друзей!» – «Так не бывает!» – воскликнули мы. Только Назар махнул вниз рукой и уронил туда же: «Бывает...»

ЧАЙКОВСКИЙ

По телефону дед сообщил, что едет по делам в Москву на машине и заглянет к нам в субботу. Проблема заключалась в том, что в этот день мы уезжали в Клин по купленной заранее экскурсии по местам Чайковского. Тогда ещё молодой, дед решил догнать нас на ленинградском шоссе и вместе завершить экскурсию.

За час с небольшим домчавшись на наградной бежевой Волге (ГАЗ 21 выпуск 1959года) до Клина, дед приблизился к старинной двери заповедного домика и прочёл на медной табличке:

«Чайковский Модест Петрович. Часы приема пн- ср с 10.00 до 16.00, суббота с 10.00 до 13.00. Просим в другое время не беспокоить».

Дед посмотрел на часы, согласился, что опоздал, пожал плечами и поехал назад. Мы тогда слушали музыку в концертном зале.

Машина времени, знаете ли...

ТУРИЗМ

На Шпицбергене помимо людей живут белые медведи и олени. Это из крупных млекопитающих на земле. А прочей живности ещё много, да нас это не касается. Олени гуляют себе, бока наедают, а вот с медведями хуже... Как говорит один знакомый вертолётчик, главное, чтобы он не начал есть тебя с ног. Поскольку, если медведь собрался сожрать банку тушонки на двух ножках, то он это сделает. И пишут поэтому на плакатах: «Если вы увидели белого медведя, постарайтесь сделать так, чтобы он вас не увидел». Хотя не бояться винтовочных выстрелов арктические хищники (а убивать их запрещено!), выходить за территорию поселка без карабина нельзя. Да и что собственно, делать в дикой природе советским, ныне российским, шахтёрам?

Из Баренцбурга в маршруты всегда уходили, уплывали, улетали люди научные, с научными заданиями, провиантом, приборами и оружием. К карабину получали пару коробок патронов, по возвращению все подотчётно сдавали. А простым людям уходить из цивилизации не положено.

Вот и приходится жить не по-простому, а с закавыками. То есть, работал себе на шахте Андрюха, и вдруг стал туристом. Написал устав турклуба, завизировал у директора, выбил помещение, одежду кое-какую, лыжи и прочее снаряжение. Стал Андрюха ходить в походы по выходным, официально с карабином, всё, как и быть должно. Гуся или куропатку взять сложно, а вот олешку или морского зайца – пожалуйста, они здесь не пуганные. Сходит Андрюха в поход – сам котлеты наворачивает, тому свеженького мяса подкинет, этому солонины – быт то налаживается! Так бы и шло-ехало, да время нынче другое...

Двое бластных из управления шахтой в туристы записались сразу по прибытию на остров. Через месяц познакомились ребята с вольнонаёмными девчонками из «погоды». А у тех погода всегда хорошая! Все молодые, весёлые, собрались в поход в Грендален, там через 20 км норвежская избушка стоит. А идти то по вечной мерзлоте тяжело... До контрактного участка доехали на вахтовке, сократив 5 км, дальше – тундра. Прошли километра два, а от угольных отвалов, как и не отходили, все рядом; тарахтит обогатительный агрегат; видно черный дым от котельной; водка уже кончается; олени в пойме пасутся... Убили, зачем то, сразу двух. Ребята попробовали освежать туши, но не получилось, не умеют. Тогда попытались отрезать у одного оленя окорок, тоже не смогли, только кишки на землю вывалили. Девчонки стояли уставшие, присесть негде, вокруг мерзлотное болото. Короче, в Баренцбург добрались только к утру, все перемазанные кровью. Первым делом туристы взломали валютный буфет, но выпивки там оказалось немного, тогда вся компания загрузилась в «табачку», выбив прикладами заднюю дверь. Понятное дело, талонов на водку никто не спрашивал,

Такой вот туризм! Кстати, водка там только одного вида, называется «Тройка», в литровой таре. Башка от неё трещит ещё дня три...

УПРУГИЙ УДАР

Из тех далеких времен, когда в обязательном порядке в осеннюю размазню студенты и ИТР, а часто и пролетариат, отправлялись в колхозы и совхозы для оказания братской помощи по уборке урожая, много осталось занятых историй. Так, практически не перетасовывая колоды, всплывают в памяти ночные падения полных женщин в земляные траншеи, причём тело заклинивало в неровном профиле – ну, и спасательные работы с привлечением местных «культуристов». Или хороший анекдот про двух студентов, каждый вечер собиравшихся на «блядки», и неизменно засыпавших в собственном бараке... Одного из них сосед по койке приобнял во сне, и тот решил, что дело сделано, собрал вещички и тихонько двинул на мороз! Встречалась и белая горячка с топорами и прочими необходимыми аксессуарами. Но мне кажется, что наибольший интерес представляет случай, который можно назвать «абсолютно упругий удар».

Дело было так: в совхозе «Заокский», известным своими бескрайними плодородными поймами, широким хозяйством и многими населенными пунктами, входящими в сельский конгломерат, приехал к зазнобе один тракторист. Почти новенький «Кировец», в силу больших размеров, пришлось оставить за целый квартал, приткнув грязную машину вплотную к серому забору неизвестной избы, чтобы хоть как-то освободить дорогу. И, не смотря на отличный стартер, влюбленный тракторист по старой привычке двигатель глушить не стал -солярка все равно дармовая – ушёл к подружке...

Дела любовные, дожди бесконечные, чай горячие. Через какое-то время из избышки вышел дед с топором на – перевес. Сломать тарахтящую машину совсем (а ведь замотала своим двигателем до смерти!) дедушка не посмел. Но вот сделать что-то неприятное дураку – трактористу было необходимо. И выбрав правое заднее колесо, размером больше злоумышленника раза в два, дед ударил во все свои предсмертные силы.

...Дождь как шёл, так и идет. Довольный тракторист чавкает сапогами в уличной грязи, тарахтит по-прежнему трактор, за правым колесом лежит мертвый дедушка, топор в луже под нетронутым колесом...

КОЛЛЕГА

Выпускник Второго Медицинского института, кинооператор и фотограф, спелеолог и суперподводник, пришел в районную поликлинику на прием к ЛОРу. Войдя в кабинет, он присел к столу, навалился грудью на полированную плоскость, дабы укоротить расстояние между доктором и собою и, чуть ли не зацепив специалиста за пуговицу халата, доверительно поведал:

– Вы знаете, коллега, у меня болит правое ухо. Я использовал для лечения несколько методов. (Увы, я не силен в медицинских терминах, но далее последовало длинное перечисление различных способов борьбы с болезненными симптомами в ушной раковине). И к сожалению, коллега, ничего не помогло.

– Ну что ж, давайте посмотрим, коллега, – отвечал доктор.

И после короткого осмотра уха продолжил:

– А вы знаете, коллега, у вас там таракандохлый!

КИТАЙЦЫ

Второй заместитель «головы» Могилева-Подольска два года отработал в Бразилии директором футбольной команды. Когда владелец разорился полностью, Серега с семьей еле успел унести ноги от разъяренных футболистов и болельщиков. А ныне он сидел в маленькой столовой комнате у Санька, в Нагорянах, и пил хозяйский самогон. Стол ломился от щедрой закуски, Санек все подливал, и совершенно пьяный Сергей Шибинский, выпучив глаза, кричал:

– А как же достали негры эти, и эти все национальные меньшинства, китайцы всякие!...

ВОЙНА И МИР

При ранении в голову Виталика обмотали бинтами так, что даже рта не осталось. Он спустился вместе со своим агрегатом – гранатометом – а говорить ни с кем не мог. Сняв бинты, врач спросил: – Куда ранило – то?, – И Виталик, отвечая, выплюнул пулю на кафельный пол.

А Мирон и Зураб были отпущены вниз без ранений, просто по распоряжку. Доехали до Нового Афона, до родной стороны, так сказать. И ничего нету! Ни вина, ни баб. Ну, вернулись обратно в Сухум. Там неожиданно повезло – местный Сбербанк справлял глупый юбилей. Что-то там пятнадцать лет, один управляющий, и двадцать восемь женщин.

Вам надо рассказывать про Зураба? Про уставших музыкантов? Про музыкантов, обеспечивших свои семьи на год вперед? С каждой Зураб оттанцевал, закрутил в круге, так сказать!

Вы знаете, как поют на Кавказе?

Вы знаете.

Запеваает всегда один. Потом подхватывают сразу трое, потом все. Это многоголосие уносит всё вверх. Поют все, кроме самого старшего, он не поёт, он – плачет. А белая скатерть стола становится крошечной чужой точкой на ненужной земле. Если ненадолго опуститься, станут заметны красные капли, случайно оброненные, когда наливали вино. В этой бесконечности гости – лишние! Лишние или пришлые, незваные – не на века, только здесь и «на сейчас». Нет вам здесь места. Нет места ни кому – только песня!

А потом поехали в Гудауту. Почему не было видно бетонных заграждений? Что, у папиной 21ой Волги плохой обзор?! Впаялись в армированную плиту по- полной. Уже близко к городу. Зураб дотащил до больницы Мирона на руках.

– Мне только пьяных не хватало! – ответил хирург, – Война идет, у нас раненные, а вы...

– Да мы тоже! – кричал Зураб.

– Не повезете в Новый Афон, сами доедем! – и покатыл инвалидную коляску с дружкойм вниз по лестнице.

– Хватит, хватит!

Довезли до Нового Афона. Утром Зураб понял, как ему плохо. Он выпил, и понял, что плохо не только ему одному. А когда он это понял, он взял бутылку водки, и пошел в больницу. Там лежал Мирон с загипсованной шеей.

– Привет! – сказал Зураб.

– Это, ну, в общем, – пить Мирон не мог.

Тогда Зураб оттянул нижнюю губу товарища, и влил туда цельную бутылку водки.

ГИДРОЛОГ

Некоторых умственно отсталых детей родители приучают к чему-нибудь, к простейшему счету или к рисованию – ну, чтобы занимались хоть чем-то! А Вова сначала отучился гидрологии, а уже потом получил по голове. Вообще по жизни везло.

В институт Арктики и Антарктики взяли сразу же после реабилитационного курса, попал в хорошее отделение, на Шпицберген поехал уже через год. Вести научную деятельность Вове было сложно, но делать замеры расхода доверяли без проблем. Да и дураком он был, в общем-то, тихим, работу свою любил, ну были, конечно, странности... Как-то я делал с ним суточный замер расхода Грендален, сменялись через четыре часа, я для него дров по берегу набрал, разжег костер, а Вова его сразу потушил, сказал что дымит. Это в сентябрь-то, на Шпицбергене!

А тут опять повезло. Пропустила Вову комиссия на целый год в Антарктику. И вот пишет Вова письмо товарищам: «...Очень сильно тогда ветер задул, прямо с ног сбивает! Ну, я и вспомнил ваши советы, как бороться с сильным течением, набрал в рюкзак камней побольше и добрался до дома».

СССР

Смеркалось. Иван Иванович Иванов, ГеБешник во втором поколении, штатный сотрудник, уже капитан, переводчик, так сказать, и по совместительству московский гид, тоже, простите, как ампула, да и от души, сука ещё та, наконец, отправлял очередного подопечного, британца, кажется, в путь-дорогу домой. Ехали машиной в Шереметьево. Кидало «Волгу» на ухабах, в сгустившейся темноте мелькали очертания бездомных собак, те, что брехали вдогонку, скрипели автомобильные диваны, но всё это было ничто. Всё это закрывал глубокий стон иностранца, отравившегося на прощальном ужине и смертельно желавшего в клозет.

Нет таких инструкций, чтобы останавливаться на обочине. Ситуация в уставах ещё не описана. Кстати, неплохая тема для кандидатской – мелькнуло – и улеглось. Только не у британца!

Вот, по Москве водишь его, гниду, ну приспичит, шасть в ресторан ближайший, корочку в морду швейцару, и – пожалуйста! Хоть засрись! С бумагой туалетной, правда, плохо. Действительно, плохо.

Согласно Ин. СП №, параграф, строка – бумага есть всегда при тебе. Но останавливаться на обочине?

Домчались, допрыгались до Шереметьево.

– Сэр?!

– Куда там!

Ломанулся британец – на первом этаже нету фарта, везде ремонт. Лифт медленный, по лестнице – блядь (по – русски, не знаю, как по – англички) – туалеты только на четвёртом. Долетел.

Мужское отделение просто закрыто на замок. В женском – первая дверь оборудована под подсобное помещение для инвентаря уборщиц, вторая заколочена гвоздями. Третья... В третьей сидит на толчке генерал в шинели, подбитой красным атласом. Крючка для одежды нет, и он сидит в шинели на корточках, подобрал пологи выше колен. На корточках, потому что стульчака тоже нет. И нет щеколды на двери, что вынуждает генерала держать ручку двери.левой рукой шинель, правой – ручку двери.

Эта дверь третья.

Британец рвет так, что генерал вылетает наружу, вспотевший, с голой жопой, с атласными фалдами, так неожиданно гармонирующими с его белым дряблым телом. Он плюхается на зассанный кафель пола, а басурманин уже на унитазе!

Как же ты так опростоволосился, Иван Иваныч?

Иванов?

АДЕКВАТНОСТЬ

Неожиданно Антон подцепил заказ на ремонт куполов в Донском монастыре. Он договорился с менеджером встретиться там уже на следующий день в 10.00, и собственно, осмотревшись, обозначить «сумму прописью». Никто не опоздал. Побродивши по подворью в поисках ответственных лиц, и не найдя таковых, Антон и менеджер двинулись по логическому пути вверх по древней лестнице, где и были задержаны монахом Феофаном (в миру Сергей), исполняющем обязанности монастырского сторожа.

После недолгих переговоров выяснилось, что для обследования куполов необходимо благословение кого-нибудь из старших монахов. Миряне, не сговариваясь, ограничили возможность благословения 10ю минутами – увы, все торопились – и срок был соблюден. Нашедшийся ответственный иеромонах Прокопий (в миру Николай Иванович Антипов) благословил трудящихся на восхождение по старинным ступеням. Однако, уже начавший движение, Антон, вдруг, был остановлен нелепой фразой: « Братья мои! Хотелось бы, что бы работники ваши были адекватны и богобоязненны“. „Простите, – уточнил Антон, – так вам нужны богобоязненные или адекватные?«... Работа не состоялась.

СПЕЦНАЗ

Случилось так, что любитель кун-фу, айки – до, карате и греко-римской борьбы подвёз Шуру домой, и зашёл к нему попить чайку. И надо же было, что в гости к Шуре как раз пришли два спецназовца. С собой они принесли три бутылки водки (по одной на брата, а третью – желающим) и пачку вафель на закуску. Любителя единоборств так и распирало с вопросами, и он не утерпел:

– Скажите, а какую технику использует спецназ в рукопашном бою?

– Слушай меня внимательно, – был ответ, – для того, чтобы боец спецназа вступил в рукопашный бой, он должен проебать на поле боя автомат, пистолет, штык-нож, ремень и сапоги, после этого, он должен найти пространство, свободное от палок, камней, бутылок и прочего мусора, найти на этом пространстве такого же идиота, как он сам, и вступить с ним в рукопашный бой.

БЕЛЫЕ НОЧИ

По профессии Александр Вакулин был гинеколог. Причём, не просто гинеколог, а хирург. По-разному мужчины решают вопросы с девушками. Костя Мухин, например, всегда говорил напрямую:

– Работаю я на заводе, так что, денег у меня нет. Но у меня есть кое- что другое...

При этом Костя многозначительно опускал свой взгляд. Брошенные девки всегда долго его вспоминали. А Саша действовал по- другому, он шептал:

– Что ты, глупенькая! Я же врач. я же там знаю всё лучше тебя!

В конце июня, на белые ночи, всегда ездили в Питер на скалы. Все тогда были не богаты и толпой с рюкзаками забивались в электричку на Финском до Кузнечного. Ехали с преферансом, гитарами и пивом. Дальше пересаживались на «кукушку» – дизель о шести вагонах, и въезжали уже в приграничную зону, для которой заранее брали ксивы у ментов. И ещё километра 3—4 пешком.

Лагерь стоял недалеко от скалы «Спартак» на пригорке над озером в сосновом бору. Кто успевал поставить палатку, кто нет, все бодро принимались жечь костры, пить что покрепче, бренчать на гитарах. Соревнования начинались только завтра, сегодня? Ночи то белые, прозрачные. По – утра спускались к озеру. Тихо, чтоб не спугнуть мальков заходили по песочку в тёмную торфяную воду, и оттолкнувшись от отражения сосен, выплывали на простор, куда деревья не дотягивались, в небо, ещё не тронутое зарёй.

Так всё было и в этот раз. Так и было. Только утром хватились – Сани то нет! В поезде был, а тут нет! Пошли толпой искать. Куда ему деться то! Половина тропы идёт по следам через болота.

Болота не топкие, но и не свернёшь далеко. Шли и звали Александра, а в ответ только ветер по кронам крадёт. Но, почти у края леса, нашли.

Прямо на тропе стоял огромный гранитный валун. Что бы залезть на него, пришлось использовать непростую технику боулдеринга. На плоской вершине камня лежал, свернувшись клубком, спящий Саша. Рядом с ним так же крепко спал его ротвейлер. Чуть поодаль стояла недопитая бутылка водки, и колода карт, разложенная под преферанс НА ТРОИХ.

«Вы слышали? Вчера ...»

Вы слышали? Вчера —
один, залезши на чердак,
повесился, не справившись
с обидой.
Я говорю – дурак,
а сам завидую.

Не лучший способ,
полно, вы правы.
Но крюк чудную ношу
поднимет из толпы!

ПРОБЕЛ

– Взвод! Газы! – все курсанты становятся одинаковыми инопланетянами.
– Вспышка слева! – Отбой! – Вперед шагом! – Вспышка справа! – Отбой! – Снять противогазы! – Вольно!

Владимир Люсин стягивает резиновую маску и вытрясает из нее останки очков. Он выбирает наибольший осколок стекол и смотрит сквозь него на окружающий мир. Ничего, кроме лица капитана Лунина не видно, ни блеклого украинского неба, ни выжженной степи, тощих сосновых посадок, ни запыленных товарищей – ничего не видно, только лицо капитана. Капитан глубокомысленно говорит:

– Ну, что брат, очкам пиздец! Почти война.

...

Каждое утро на лесном плацу подполковник Ложников производит развод.

Майор Скрыпник, как-то, проходя мимо нас, уже построившихся, спросил:

– Какой взвод? – Тринадцатый! – Лихо и хором ответили мы (а таких номеров взводов по уставу не бывает), – Бхлять! – мотает головой Скрыпник и уходит.

Такое было однажды, а развод каждый день.

– Взводы! – Кричит полковник Ложников тонким голосом, срывающимся на фальцет, – Равняйся! Смирно!...Левый фланг!

Левый фланг (то есть наш взвод и окружающие) подтягивается, и далее:

– Взводы! Равняйся!! Смирно!!! Левый фланг!

Когда поставлена задача, взводы расходятся по жидкому украинскому лесу в разных направлениях. И со всех сторон слышатся:

– Взводы, равняйся!! Левый фланг!

Меняются интонации, тембры и прочие баритоны, но неизменным остается фальцет:

– Взводи! Равняйся! Левый фланг!

Подполковник Ложников нервно шагает по плацу, не в силах остановить лесное эхо.

– Взводи, равняйся! Смирно! Левый фланг!

Каждый божий день.

— — —

Идут практические занятия. До расположения X-ой ракетной дивизии мы прибыли коротким марш-броском по украинской степи. Теперь нам уже хорошо в тени маскировочного тента, и слушаем мы всю эту матчасть с легким отчуждением. Занятие проводит сержант срочной службы, при этом его служба на исходе второго года. Он – дембель, ему – все равно, и обучать без пяти минут офицеров ему импонирует.

Всю лекцию сопровождает нескончаемый стук костяшек – это стоящий рядом рядовой взбивает бритвенной кисточкой мыльную пену в странном металлическом стакане. Занятия посвящены герметичности пневматики боевой ракеты и способам ее проверки. Сержант говорит медленно, с хорошим московским выговором, внимательно заглядывая в безразличные глаза будущих офицеров. А мыльная кисточка все стучит!..

– Итак, – завершает монолог сержант, – для окончательной проверки трубопроводов необходимо обмылить все штуцера и места соединений. Для этого используется мыльная пена, взбитая на небольшом количестве воды. Готовность пены для проверки пневмосистемы опре-

деляется переворачиванием сосуда с пеной головой вниз, при этом кисточка не должна выпасть из сосуда!

При последних замечаниях сержанта костяные звуки прерываются, и солдатик с опаской вкладывает стакан с пеной в протянутую руку сержанта. Все замирают...

– Смотри, опростоволосимся! – бросает сержант, и резко переворачивает стакан – кисточка не выпадает.

– Ну, обмыливать систему мы не будем, она только что проверялась, – заключает сержант, – а пена хорошая.

И солдатик облегченно вздыхает.

Я тогда подумал, что перестук костяшек и есть суть нашей армии, да и жизни вообще, но я ошибался.

Немного позже, на других практических занятиях мы познакомились с главным трансцендентным звуком...

В операторской кабине ракетной установки 8К14 раскаленной до бела кировоградским июльским солнцем, сидел человек ростом не более метр сорок, одетый, соответственно, не по росту в выцветший хаки, с огромными голубыми глазами, с испуганным выражением румяного крестьянского лица, и масляным пятном на правой щеке. Он перманентно крутил ручку прибора, проверяющего сопротивление электрической сети, и кричал в рацию результаты исследований:

– Бесконечность! Бесконечность! Бесконечность! Бесконечность!

Все вокруг, вокруг ракетной установки 8К14 и столпившихся здесь курсантов, вокруг сосновых посадок, окружающих поляну с ракетой, и далее, вокруг выжженных степей и таких же перелесков, и вокруг, уже, Черного моря, и дальше – турок, и других стран...

Вокруг всего этого есть бесконечность.

Я, то есть, хочу сказать, что, когда меня, наконец, убьют на ненужной, смешной, какой-нибудь, киргизской войне, и я, легко оттолкнувшись от земли, медленно начну подниматься к облакам, именно этот голос низкорослого украинского солдата, именно его безнадежность на лучшее, будет сопровождать меня в последнем полете.

– Бесконечность! Бесконечность! Бесконечность! Бесконечность. Бесконечность бесконечность бесконеч бескон бес б

— — —

Команда «Вольно» и «Отдыхать» приходят в мой мир одновременно. Я лежу на сухой земле под деревом неухоженного яблоневого сада и грызу незрелые зеленые плоды.

Ко мне подходит полковник Перелыгин и, с участием заглядывая мне в лицо (для этого ему пришлось наклониться), говорит:

– Травин, ну что у вас такая кислая физиономия?! Быть может, эти полтора месяца военных сборов будут единственным светлым пятном в вашей жизни!

– Ну, да, – отвечаю я, не отрываясь от яблока, – пробелом...

– Встать! Смирно!

Ну и так далее.

— — —

Майор Скрипник не матерился только когда спал, и всегда с хорошей фантазией. Например, выражения типа: «Кусок засохшей менструации» были для него вполне естественны.

1. Однажды, нам удалось откосить от занятий, назвав себя стихотворцами и декораторами, мы делали стенгазету и флаг взвода. Майор Скрипник, проходя мимо, поинтересовался назначением разрисованной тряпки, которую мы приколачивали к швабре, превращенной в древк.

– Взводный флаг! – отрапортовали мы.

– Обоссать и заморозить, – сморщился майор и поспешил прочь.

2.-Ты думаешь, что противник по лесу ходит, как мудака? Нет, он тоже ездит по дорогам, – чистил Скрипник Фикуса за то, что тот расположил свою виртуальную ракету прямо на проселке, – Он придет сюда на мотоциклете, спизженной в деревне Осетняжка, и постреляет всех твоих воинов из, так же спизженного у твоего товарища и такого же мудака, автомата Калашникова!

3.– Емельянов, закрепитесь на местности.

Емеля уверенно тычет пальцем вправо и докладывает:

– Там север!

– Емельянов, там – жопа, – вздыхает майор.

Емеля берет чуть левее.

– Там север!

– Емельянов, там – жопа! – повторяет майор.

Совсем растерявшийся Емеля тычет пальцем почти на юг:

– Там север...

– «Там», Емельянов, жопа, а север находится в направлении отдельно стоящего дерева!

4.И мы бежали по скудному перелеску на занятиях по топольемке. Я ничего не соображал и полностью доверился другу и командиру нашей тройки Вовану. Когда мы завершили наш маршрут, и Вован предоставил Скрипнику карту, я интуитивно снял очки.

– Ты зачем очки снял, – спросил меня майор.

– Ну, так, на всякий случай, – честно ответил я.

– Правильно, – ответил майор Скрипник, и повернулся к Вовану.

– Я- то думал, что ты единственный человек среди этой коблы, а ты, оказывается, папуас ебаный! Газы!

Ошибки навигации мы исправляли, обливаясь потом в резиновых масках.

Ну-у, четыре примера. Тем не менее, ни я, ни кто-то другой не могут сказать дурного слова в адрес майора Скрипника.

— — —

Есть на свете много мудаков. В военных организациях их концентрация больше. Ну- у, что же:

Павел Аносов был редкосным мудаком. Это признавали и курсанты, и ведущие офицеры. Да, не спорю, в военных кругах такие личности – не редкость, но, позвольте, требовать зашить карманы у собственных офицеров...

Был, конечно, майор Дыгин, что сбрил усы и, запершись в отеле, пил девять дней, не пуская к себе никого, так это ж гусарство!

А отработка выправки на плацу, это, вы меня извините, У-у- у-у —у...

Когда начальник военной кафедры Московского Авиационного Технологического Института имени Константина Эдуардовича Циолковского в час свободный попытался собрать металлическую кровать для отдыха в тени, и когда у него ничего не получилось, и все присутствующие в лагере исчезли, и курсанты, и действующие офицеры – ах, мама, это надо было

видеть! – его недоуменный взгляд, обводящий мертвый лагерь, только что кишасий зелеными человечками...

– Да ладно! Вот у нас командир дивизии, – отвечал нам местный капитан, – опоздаешь —

Я вас спрашиваю: почему?

– Автобус задержался!

– Молчать! Я вас спрашиваю почему?

– Автобус задержался, товарищ полковник.

– Молчать! Я вас спрашиваю, почему?!

– Да не было возможности, автобус...

– Моолчаать!!! Пять суток ареста!

— — —

В моей жизни все было проще.

Когда мы уезжали из обыденных сосновых советских посадок, и когда уже было ясно, что кошмар кончился, вдруг...

Машины остановились.

– Товарищи офицеры! – прогремел Павел Аносов.

– Посмотрите, как колоситься рожь!

Все вылезли из машин, и по команде, встали в ряд.

Неумолимое желание сесть в поезд и напиться не позволяло любоваться колосющейся рожью.

Пользуясь своим малым ростом, я вышел из строя и, расстегнув уже не мои солдатские штаны, помочился прямо на пыльную дорогу, разрезающую ту самую рожь. Желтая жидкость падала на высохшую землю и рассыпалась в пыли, как бусинки ртути от случайно разбитого градусника.

АРТУР И ЕГО ЖЕНА

Варшавянин, приятель мой, Артур, занимался оптикой в тяжелые времена. Изготавливал лазеры на основе советских линз, и мы ему в этом помогали. Он ещё был гонщик, в смысле, автогонщик, и участвовал в соревнованиях местного значения. Ещё Артур прикупил УАЗик после распада СССР и распродажи военной техники, на котором мы гоняли по танкодрому под Варшавой. По лужам, грязи, по горкам и обрывам, через рельсы и дровяные завалы...

А жена у него была украинкой, по образованию искусствовед. Она научила меня таинству коктейлей, и она же всегда рассказывала занимательные истории из своей жизни. Уже подпив.

Как то, снимали они с подружкой квартирку в Ивано-Франковске. Квартира была однокомнатная, а поскольку, хозяину жить было больше негде, он обитал на балконе. Происходило это так: вечером хозяин приползал на четвереньках совершенно пьяный домой. Его запускали на балкон и дверь запирали. Следующим утром он робко стучался в стеклянную перегородку. Ему открывали. Мужик раздевался почти до нага, срезал со своего костюма все пуговицы, всё стирал, затем гладил-сушил, и пришивал пуговицы обратно. Получив оплату за прошедшую ночь, он уходил в мир, и вечером, опять заблѣванный, возвращался назад.

А когда девчонкам становилось совсем плохо, совсем тоскливо, они шли на автобусную остановку. Там, если удавалось присесть на лавочку, можно было наблюдать замечательный спектакль посадки пассажиров. Особенно, смешили каменные лица граждан, стоящих у дверей автобуса, и не желающих пропустить прочих в глубь салона по неизвестным причинам. Ну, и другая толчея.

А Артура, кстати, убили. Он пришёл к знакомой по виндсерфингу, сидели на кухне, ну, как в Москве, тут вломился бывший муженёк, и стал женщину избивать на глазах Артура. Тот, конечно, заступился, и конечно, этого заломал, а этот достал самодельный пистолет и застрелил того. Артура, значит.

Такие, вот, у нас в Варшаве, варшавские дела.

ВОССТАНОВЛЕННАЯ ПЕСНЯ

Начало я забыл. Точнее, помнил, точно, одну фразу. Вы её сразу узнаете.

ВЕРТИКАЛЬНЫЕ ЛУГА.

ВЕРТИКАЛЬНАЯ ВОДА.

(Ну, в смысле, водопады там везде)

ЕСТЬ ДОРОГА В ОБЛАКА,

ЕСТЬ ДОРОГА В НИКУДА.

Как легко тебя столкнуть,

И шагнёшь куда-нибудь.

Нам Судьбу не обмануть,

(Догадались?)

Выбираем средний путь.

ВЕРТИКАЛЬНЫЕ ЛУГА.

ВЕРТИКАЛЬНАЯ ВОДА.

ЕСТЬ ДОРОГА В ОБЛАКА,

ЕСТЬ ДОРОГА В НИКУДА.

(Это я уже описывал)

От дурмана конопли

(А её там! И в качестве деревьев!)

Рвутся жилы у реки.

И касаются руки

Звезд холодные (скользящие?) огни.

ВЕРТИКАЛЬНЫЕ ЛУГА (Там коровам сено носят люди, иначе,
скотина улетит метров на 700т вниз)

ВЕРТИКАЛЬНАЯ ВОДА.

ЕСТЬ ДОРОГА В ОБЛАКА,

ЕСТЬ ДОРОГА В НИКУДА.

Поломался горизонт!

Ледники встают «Во Фронт»

(У-ух!)

Над вершиной, словно зонт,

Небеса качают гонг.

ВЕРТИКАЛЬНАЯ СТЕНА.

ВЕРТИКАЛЬНЫЕ СНЕГА.

ЕСТЬ ДОРОГА В ОБЛАКА,

ЕСТЬ ДОРОГА В НИКУДА.

И, опять, уже хором:

ВЕРТИКАЛЬНЫЕ ЛУГА!

ВЕРТИКАЛЬНАЯ ВОДА!

ЕСТЬ ДОРОГА В НИКУДА!

ЕСТЬ ДОРОГА В ОБЛАКА!

Занавес.

КОНСЕРВЫ

Возможно, вы слышали что-то о французском путешественнике, пешком и в одиночку преодолевшем Северный морской путь, По крайней мере, некоторые СМИ писали об этом неординарном событии.

Я имел счастье быть знаком с героем практически лично – через моих друзей во Франции.

Они и рассказали мне предлагаемые вам ниже столь пикантные подробности...

Жиль, как и многие французы, попал под магические чары России и бывал тут неоднократно. Прежде чем двинуться в далёкий и трудный поход, он посетил несколько глухих поселков на побережье Северного ледовитого океана в Сибири, где и познакомился с простой, но невероятно милой сотрудницей рыбного консервного завода. Постылая однообразная действительность сменилась для девушки сказочным фейерверком – Жиль женился на ней и увез прямым путем в Париж!

Мы не будем живописать восторги и нюансы столичной жизни молодоженов, однако, посмею напомнить об одном сапожном инструменте в заднице Жилия, которое во многом способствовало метаморфозам жизни его и не только.

То есть, в скором времени Жиль решил, что жить в Париже слишком дорого (тем более, что зарабатывал только супруг), и он решил продать квартиру и перебраться в Нормандию на свежий воздух. Сибирской красавице, как супруге, пришлось подчиниться. Обустроившись на новом месте, и подсчитав возросший, в связи с переездом, финансовый потенциал, Жиль, наконец, принял решение свершить «Великий переход». Быстро собравшись, он поручил молодую жену своему другу и уехал в Россию.

Вы, верно, уже догадались, что произошло между девушкой и другом Жилия. Сухое сообщение об этом событии и просьбу о расторжении с ним брака Жиль получил уже где-то на середине Северного морского пути. Герой сплюнул, отправил во Францию свое согласие и двинулся дальше к заснеженной Чукотке. А в далекой Нормандии коварный дружок взял русскую красавицу за руку, заглянул в синие очи и прошептал: «Любимая! Я не смогу прокормить нас обоих, тебе нужно найти работу...»

В Нормандии – нет проблем! Вот вам рыбный консервный завод.

ВТОРОЙ

Дружок мой Олежка, а сегодня Олег Александрович, хирург-стоматолог работает по четным в частной клинике с утра, а после обеда в муниципальной, ну, а по нечетным – наоборот. Это я так, к сведению. Кстати, в государственной организации он никак не лечит, а только зубы рвет. Человек не малых размеров, Олег Александрович, с утра в кабинете, оторвавшись от книжки по военной технике, открывает дверь кабинета, и вполне дружелюбно приглашает первых двух пациентов, через минут пять, сделав гражданам обезболивающие уколы, приглашает следующего. И пошла карусель, где огромный корпус Олежки надвигается на приговоренного и:

– Ну-с, какие проблемы? – а в руках-то блестящие клещи!

Только хруст, да звон ударяющихся о металл вырванных зубов...

В конце рабочего дня в кресло садиться молодая девушка, блондинка.

Врач :

– Я вас слушаю?

– Мне надо удалить внизу второй зуб, – и девушка тычет пальчиком в свой ротик.

Олег Александрович внимательно смотрит, и замечает, что по счету зуб, ну никак не второй, ни при нормальном (стоматологическом) счете, ни при счете от конца челюсти...

– Простите, а почему вы этот зуб называете «вторым»?

– Ну, как, вчера я удалила первый, а сегодня второй!

ЗВЕЗДА

В Байдарскую долину в Крыму меня привёл Евгений Стародубов. Поднимались с каким-то невероятным весом за плечами от Мухолатки по Чёртовой тропе. Каждый раз, проходя этот путь, я удивлялся, что, согласно историческим источникам, эта тропа когда то была гужевой дорогой. Перевалив за хребет, мы упёрлись в домик лесника. А что было делать? Домик был открыт, лесника не было. Он пришёл только к вечеру босиком. Ходил в Узунжу в новых не разношенных сапогах и стёр ноги в кровь. А избушка то открытая – это его обокрали – два ружья, барахло всякое, еда. А главное, не торопились, разожгли печку, выпили, потом ушли. В печке, в духовке сушились старые сапоги – они сгорели.

Мы его накормили, подлечили ноги, стали просто корешами. Он нам рассказал про жизнь – злодейку. Ничем она не отличается от тысяч других: Застал жену с любовником, он капитан морской пехоты, провел головою мужика по батарее, и стал лесником.

Через два дня мы собрались в пещеру. Да! Это не пещера была, а геологически, «отпорная трещина склона». Мама- мия! С полным снаряжением, с подземным лагерем... Проще не вспоминать.

А позже, я был в этих краях ещё несколько раз. Часто имя нашего лесника играло роль пропуска через кордоны заповедника. И как то, завез я туда команду из шести человек: Англичанин Чарли Селф, его жена Галя, мои женихающие друзья, и я с подружкой. К тому времени кордона уже не было. Мы спустились к Родниковскому, к тайному тогда ещё озеру, и заглянув в п. Скельская, прошли Малый каньон Крыма. По речке шел довольно сильный поток, даже для весны. Кроме того, жара невероятная на открытых пространствах, и наконец, выход из каньона в распоре, в обнимку с раскоряченным посереде меандра деревом, сыграли свою роль.

Разбили палатки, повечеряли, даже не пили, но весь наш переход сильно расстроил мою спутницу. Какие то разборки, претензии, скандалы, истерики – что всегда глупо выглядит на фоне природы. Чуть повевал ветерок, шумели водопады в каньоне, ещё тлели угли костра. Я вылез из палатки, зачерпнул уже остывшего чая, и увидел внутри кружки отраженную с неба звезду. Медленно, не торопясь, я втянул её в себя. Звёзд на небе немного убавилось.

КАМЧАТКА

Когда Вова сдал государству свой дом в обмен на благоустроенную квартиру, дети уже уехали в Москву, а жену зарезали по-тихому в пьянке. Жить Вова стало негде, и он поселился у Андрея. Полностью заросший вонючей шерстью, презирающий баню, клещей и кожные болезни, хозяин квартиры – суперпрограммист – был вполне чистоплотным... Ну, как он сам считал: то есть мусор с рабочего стола он смахивал ладонью на пол, а пространство ниже стола Андрея не интересовало. Дабы, хоть как-то навести порядок на этом уровне, Вова приходилось веником разметать дорожки чистого пола, что бы в последствии было легче убирать постоянно растущие шпалеры грязи...

А попал-то Вова на Камчатку уж совсем неожиданно.

Коренного москвича, ни друг, ни брат, ни сват, а так – седьмая вода на киселе – двадцать пять лет назад пригласил посетить далекий полуостров. Вова приехал, посмотрел, был очарован и остался. Стихи Бродского, жена и две дочери приехали через месяц. А еще через месяц, уже устроившись на сейсмостанцию, Вова повстречал благодетеля.

– Ну, надо прописаться, – заключил «ни брат, ни сват».

Дом заперли снаружи, дверь, также снаружи, подперли бревном, а окна забили досками крестообразно. Заранее несколько ящиков водки и еды занесли внутрь. Электричество отключили за ненадобностью. В горницу сами пролезли не без труда через узкую, незаметную форточку.

Через два дня жена-пьянчужка спохватилась, и по только ей известным чувствам, нашла сказочный дом. Она залезла на чердак и пыталась попасть к вожделенной водке сквозь потолок. На шум и крики друзья не отвечали еще день, потом сдались. Прописка осталась московской...

ЗАКОН СТАКАНОВ

В июле в подмосковье при жарких летах часто бывают такие тихие рассветы. Ни единого звука, ни крика птицы, только, может быть, всплеск рыбы в теплой воде нарушит эту бесконечную тишину. Легкий туман лежит на водной глади, безмолвные мальки качаются под водой у опор пирса, и уже первые намеки осени-редкие желтые листья-стоят у причалов, как новые корабли.

Таким безмолвным утром курил я на крыше мостика с капитаном двухпалубного судна Михаил Петровичем Горюновым.

Капитан никогда не пил вина, а за пивом ходил через все водохранилище к Бухте Радости в Сорокинский магазин. На рейде судно разворачивалось, и Петрович гаркал в громкоговоритель:

– Маша, пиво есть?! —

Маша выходила на берег из избы, отвечала отрицанием, т.е. махала рукой вниз, как роняла что-то, и мы, продолжив разворот, отходили в акваторию.

Водку же привозили обычно гости и многочисленные знакомые-не нас, а корабля. Вся это братия полностью соответствовала яхтенному закону о приходе и уходе стаканов на судне. Закон прихода и ухода стаканов на судне гласит:

– Как они приходят, так они и уходят!

Но... Помер немного позже Михаил Петрович Горюнов от пьянства и жизненной неустроенности, помер на корабле под звуки хлюпающих волн подмосковного моря. А из корабля сделали публичный дом и отправили кататься по Волге-Матушке-Реке. Потом кого-то убили, судно сожгли, заматая следы... Да, я не об этом.

Стояли мы с Петровичем тогда на вершине рубки и покуривали «Беломор-канал», дымок от папирос никуда не уходил и повисал мелким облаком там, куда выдохнул его курильщик. И вдруг, выпорхнула на пирс взлохмаченная девица с колготками, свисающими из растрепанной сумочки. Девка шустро застучала каблучками по доскам настила, дошла уже почти до берега, неожиданно остановилась, и ругнулась:

– Тьфу, блядь! – бросила в воду окурок и с тем же цоканием туфель вернулась на борт.

Дым от ее сигаретки также остался висеть над пирсом. В восстановившейся тишине Петрович не то, чтоб спросил, а как-то взмолился:

– Господи! Кто они такие? Как они попадают сюда? Что они делают на моем корабле?!

Мне нечего было ответить.

БОРОДАТЫЙ ЧЕЧЕНЕЦ

Я тогда в первый раз познакомился с Перовским спелео-клубом. Обычно на Курском встречались у «Баобаба» в метро, но сегодня встречались наверху, поскольку много было барахла. Меня сразу насторожила реакция одного из членов сообщества – он, попросту, вывалился из микроавтобуса и стал блевать на только что помытый асфальт. Но я то ведь, уже собрался ехать в Майскую!.. Разберёмся, подумал я.

Пить начали сразу. Ещё и вокзал то Курский не исчез, а уже накатили. Я всё время путаю, что приходит первым – Курск или Орёл, конечно, Орёл, конечно, Орёл! Там всё и произошло. Пьяный товарищ Изюма, тот, что блевал на вокзале, только приоткрыв дверь в тамбуре, помочился, залив все ступени. Моча заледенела сразу, и сразу Изюм поскользнулся и улетел на платформу. Поезд тронулся.

– Ты что тут делаешь? – спросили менты Изюма, когда поезд уже ушёл.

– Гуляю, бля!

– Документы есть?

– Есть. С бородатыми чеченцами уехали, те, что с поезда столкнули!

Наконец, началась операция. В Курске весь вокзал был перекрыт, поезд встречала группа автоматчиков. Руководил операцией низенький полковник в штатском.

Во всем вагоне бородатым оказался только я.

– Попался! Попался! – кричал полковник, повиснув у меня на шее. Я пьяный и сонный вообще ничего не понимал. Стали тащить просто волоком, я хватался за перекладины, и тогда меня били резиновыми палками по рукам. Вытащили на улицу. Я не шучу – вокруг стояли автоматчики. Только здесь, на свежем воздухе, всё разъяснилось. Дружка Изюма вместе с вещами отправили в Орёл, а я вернулся в поезд.

Качнуло вагон. Упёршись лбом в стекло в туалете, дабы не упасть, я опростал мочевой пузырь. В крошечном окошке, протаявшем от моей головы, были видны бесконечные просторы моей родины: речка, плывающая по заснеженным полям, редкие вёты, разбросанные вдоль её берегов.

ФРАНЦУЗСКАЯ СКАЗКА

Кстати, вы знаете, что у Шарля Перро ни одна сказка не заканчивается хорошо? В частности, в «Красной Шапочке» никаких охотников не было. Волк сожрал и бабушку, и Красную Шапочку, и саму шапочку, и все пирожки. А заканчивается сказка (как всегда у Перро) простым четверостишьем – типа, нехрена маленьким девочкам шляться одним по лесу. Я читал в оригинале.

Так, вот.

Недалеко от города Анси есть местечко Gorges du Fier, где находится невероятно красивый каньон. Высота стен, чтобы не соврать, метров семьдесят (может и более), внизу грохочет река, стены над головой почти смыкаются. Там же, рядом и пресловутый замок... Я, к чему. Есть там местная легенда, думаю, кроме Франции, нигде такой сказки не создадут – там нет ни одного положительного героя.

Итак.

В поместье Gorge du Fier жил-поживал Лыцарь. Бухал, охотился, трахал девок, а тут пришло время жениться. Ну, что ж, нашлась и невеста из подходящего рода, короче, женились. Короткое время провели вместе, потом Лыцарь поехал бухать опять. А был у него верный Паж, и тот, видя расстройство молодой Мадам, отдал ей своё сердце. Бродили они по ближайшим лесам, вели беседы разные, слушали пение птиц. Так продолжалось довольно долгое время, Лыцарь бухал и охотился, Мадам гуляла по лесу, Паж томно вздыхал. Однако, Мадам всё чаще отказывалась от прогулок с Пажом и куда-то пропадала. Паж выяснил, что она встречается с соседним Лыцарем, и часто скрывается с ним за листвой. Возмущенный, он всё рассказал своему Лыцарю. Тот бросил пить и затаился в ближайших кустах. Когда изменница встретила возлюбленного, Лыцарь, опростав меч, выпрыгнул на встречу другому Лыцарю. Соседний Лыцарь, не будь дураком, вскочил на коня, и скаканул через каньон. Но, тут, Паж, так же притаившийся в кустах, прыгнул ему наперерез, и ухватил коня за хвост. Соседний Лыцарь легко махнул мечом и оставил животное без хвоста. Вместе с ним Паж упал на дно каньона и погиб.

Мадам заточили в башню, где она и провела остаток дней. Лыцарь продолжал охотиться и бухать, ну и, другое... А бедного Пажа подняли Волшебные Феи, и захоронили под камнем влюблённых (Вы можете его увидеть).

Я до сих пор не могу понять, почему Паж тот герой? Он ведь, всего лишь занимался мастурбацией.

ТОЛИК КОЛЕДОВ

Толик Коледов – Коля Толедов (вам какое дело?) пошёл в Афган по собственной воле, написал рапорт и сбежал со строительства генеральской дачи. Отмотал все полтора года.

По возвращению много рассказывал, а позже перестал, только иногда вспоминал, как курили героин, перекатывая белый шарик по раскаленной жести.

От той поры осталась у Толика привычка тушить сигарету в плевке на собственной левой ладони и неуёмная жажда жизни, и познания всего нового. Мотался он маятником через весь дом на верёвке, чтобы попить у бабушки компота, курил в Центробанке, перевернувшись навзничь, на железных ребрах стеклянного купола... Я помню, на стадионе Динамо мы вешали огромные плакаты для какой-то Кореи, работали уже второй день, а ветер был страшный!, и когда эти баннеры, наконец, с огромным хлопком, разорвались на три части, замотав Толика своими охлопьями, Толик, быстро спустившись, и сразу сбросив снарягу, сказал: «Ну, вот и славно, теперь нам здесь делать нечего.»

И много лет работали мы с Толиком в Центральном округе на Остоженке «высотными дворниками», ну, попросту промышленными альпиноидами, ломающими сосульки. День на день не приходится, вспомню только один...

С утра пошли на Пречистенку, дом, что напротив Яйца Церетели, там частная антенна спускалась от крыши до третьего этажа. Уже имея опыт, мы аккуратно обрубали наросты льда вокруг кабеля, и легко столкнули глыбу по естественной направляющей. Звон разбитого стекла подтвердил точность нашего расчета. Далее, мы переместились в сторону Зубовской площади, волоча нелюбимые кастрированные лопаты и ледорубы. Задача заключалась в том, чтобы, не навешивая вертикальных веревок, убрать снег с карнизов на третьем этаже (при девятиэтажном здании). Толик, и я, страхующий маэстро,

на крыше, перешагнув через комнату бомжа, легко и просто – я подаю ледяные конфетки – а Толик бросает их в бездну Пречистенки, достигаем решения с необыкновенной легкостью! Затем мне следует предложение сбить сосульки с дома номер №, на что я возражаю, указывая на припаркованную внизу «Волгу».

– Херня! – отвечают мне, – мы её фанерой прикроем, – хорят ответственные, и я совершаю первый и единственный удар по наросту ледяной плоти водостока... Рассказывали, что фары несчастной машины выпрыгнули, как глаза ядовитой рыбы, приложенной головой раздосадованным рыбаком об бетонный пирс.

Мы вернулись на Зубовскую... На первом этаже находилась какая-то контора, с камерами наружного наблюдения. Имея некоторую власть, мы честно предупредили контингент о возможных последствиях очистки крыши, оные согласились с возможными результатами, но Толик, увы, не попал!.. Рядом был последний дом, где нам предстояло поработать. Возбравшись на крышу и почистив большую часть необходимого, мы, наконец, добрались до ещё неосознанного нами завершения. А именно, Толик, найдя огромный ледяной нарост на водосточной воронке, прикинул, что сколотый лёд попадёт на электрические провода неизвестного нам происхождения. Случилось всё значительно удачней! Лед откололся вместе с частью трубы и единым метало-ледяным массивом проплясал по всем нижележащим проводам, высекая снопы искр – великолепный Новогодний фейерверк!

Вечерело.

– Хороший день – сказал Толик, – пошли домой!

ГИРЯ

Выпить в Баренцбурге сложно, на месяц водки дают литр в руки по талонам. Но умный человек всегда найдёт и даже сына взрослого угостит.

...За серьёзным разговором отец назвал сына сопляком. Сын промолчал, сглотнул обиду, но в тот же день сходил в тренажёрный зал и украл там двухпудовую гирю. Протащив её через весь посёлок, сын напрягся и плюхнул гирю прямо на обеденный стол, пробормотав: «Во, чё могу!»

Папаша отметелил сына так, что тот ещё месяц ходил, как кобра, с очками на глазах.

СОЙКА

Назар, открыв для меня горы, сам довольно быстро выпал в осадок. Бросал то пить, то курить, то сходил, то разводился, и стал охотником. И пока я барахтался в грязных кишках пещер, Назар ходил на *вечернюю тягу*.

Как – то, возвращаясь, домой под дождем, он остановился у коммерческой палатки. И спросил: «А выпить-то есть?». «Есть!» – ответили, и охота завершилась. Когда кончились деньги, Назар положил на стол и убитых уток.

Утром сын спросил отца:

– Папа, а где ты был?

– На охоте! – отвечал папа,

– А где твое ружье? – ответа не было...

Только через три дня случайно добрый продавец увидел Назара и вернул ему ружье.

Но я хочу вспомнить о другом случае, когда мы так же случайно встретились с ним, и он, пригубив, рассказывал:

– Слышу на ёлке кто-то шебуршит, ну думаю, рябчик! Дал в два ствола и ...сойка.

– А ты откуда знаешь, что это сойка? – спрашиваем мы,

– Да я уже убивал такую...

ЖРАЧИ

На «Красный Октябрь» я опоздал. Кто-то подкатил нам ремонт всех кондитерских фабрик Москвы. Но, на «Красный Октябрь» я опоздал. Там, по рассказам, перестал работать агрегат высокого давления. Вы не смейтесь! Название ВАГНЕР. Пришёл электрик, зачихал в электрическую розетку два провода, соединил их в себе, и сказал: – «Ток есть, двести двадцать». На открытые рты моих товарищей электрик добавил, что раньше он вообще работал без инструментов, но сейчас зубы уже не те, для зачистки проводов приходится носить пассатижи. Он же, кстати, по просьбе моих коллег в лёгкую принес литр коньяка, что действительно добавляется в бисквит для тортов.

А вот, уже на «Бабаевской» я был в полный рост. Красили карамельный цех. С тех пор я никогда не покупал «Монпансье», просто местная уборщица объяснила, куда идет её продукция. Цех был остановлен, и разбирая всякий мусор, мы наткнулись на украденный кем то ящик с очищенным фундуком. Понятно, мы его припрятали, и вывезли, когда перебазиrowались на Шаболовку в «Шоколадницу».

Там, на «Шоколаднице» делали шоколад и зефир. Я даже не успел заметить, когда Стёпа выискал эту вагонетку, и влез в неё. Там лежали брикеты бракованного зефира, и Стёпа пожирал их с остервенением. Пришедшие рабочие женщины были так шокированы этим зрелищем, что быстро вернулись с уже упакованными коробками «Зефир в шоколаде». «Спасибо» – Ответил Стёпа, – «Я в шоколаде не ем». И опять, погрузился в грязном комбезе внутрь вагонетки. А наш руководитель Женя быстро сообразил, что шоколадный станок нельзя выключить. Шоколад должен быть горячим. И когда мы нашли эту кнопку, то разложили по всему цеху реки из фольги с украденными орехами и пустили в неё бобовый напиток.

А потом, а что потом? Ну, «Большевичка». Фабрика глупая, ненужная в центре Москвы. Там делали только печенье. Однажды, нам сказали, что завтра на работу приходиться не надо. Почему? – да крыс травим. – В каком смысле? – Ну, ипритом... И... Потом просто окна открываем.

В каком-то смысле, работать там было проще – не надо было закрывать всё оборудование. Но, и полакомиться было нечем. Тогда Стёпа сказал мне: – Пойдём, пожрём! Мы пошли. Через совершенно невероятные технические переходы, какие то лестницы, навесы, чуть ли не воздушные мосты... И там, сладкие всякие штуки для ЦК КПСС.

Мы стали их жрать. В тех же грязных, залитыми краской, комбинезонах. Нам что-то женщины кричали, а мы не делали ничего не хорошего, только жрали. Ведь есть внутренний устав всех кондитерских фабрик, жри здесь, сколько можешь! И мы жрали. Тогда начальница догадалась какую причину найти – нет у нас белых халатов!

Нету. И мы честно ушли...

СЛОНИКИ

Два брата из Братска – так мы прозвали парочку приятелей. Они ещё не сделали ни одного движения в Непале, то есть не прошли ни одного маршрута, но уже усиленно дезинфицировались, начиная с самого утра. Именно они открыли и рассказали нам за утренней бутылкой рома драматичную историю продавца слоников. Впрочем, все туристы в Катманду сталкиваются с уличными продавцами резных деревянных слонов, местных музыкальных изделий, сомнительной бижутерии и так далее. Карма продавца слоников такова:

Каждое утро жена продавца слоников будит его на самой заре и сопровождает в рабочий путь. Она заворачивает в рисовую бумагу бутерброды (в чем я лично сомневаюсь), снимает с полки резного слоника, целует мужа, и выталкивает его за дверь. Несчастный продавец слоников шляется по улицам Катманду целый день, пытаясь сбавить деревянную ношу европейским туристам. Не дай Бог заговорить с ним – вы пропали! Точнее, окаянный слоник уже облегчил ваш карман. Но чаще продавец слоников возвращается назад домой с деревянным животным. Жена принимает слоника из уставших рук, кормит мужа «кичри» (рис с далом и овощами), и все мирно ложатся спать, слоник отдыхает на полке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.